

О ХАРАКТЕРЕ КЛАССООБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕСТВАХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

Л. П. Лашук

В последнее время советские историки оживленно обсуждают проблему общих и специфических закономерностей становления раннеклассового общества в различной конкретно-исторической обстановке разных стран. В общей исторической и логической связи с этой проблемой находится все еще дискуссионный вопрос о характере, путях и особенностях перехода кочевнических обществ Старого Света от типично родового строя к первой классово-антагонистической формации. Здесь сталкиваются различные мнения, которые, однако, поляризуются вокруг двух основных направлений. Сторонники первого утверждают, что социально-экономическое развитие кочевников определялось совершенно иными закономерностями, нежели развитие оседлого земледельческого населения. При этом главным фактором общественного развития кочевников признаются специфические производственно-технические условия кочевого хозяйства, которые, ко всему прочему, определяют-де особый «психологический тип» кочевников, резко противостоящий социальной психологии земледельцев. Последователи этой концепции за рубежом либо полностью отрицают наличие классов и классовой борьбы в кочевническом обществе, либо недооценивают их значение в процессе исторического развития кочевников. В нашей литературе имеют место суждения о том, что производственно-техническая специфика кочевого хозяйства превращает скот в главное средство производства и лишает землю значения такового, исключает возможность земельной собственности вообще, частного (феодалного) землевладения и монопольного распоряжения землей в особенности, обуславливает неизбежное сохранение родовой общины и родоплеменной организации, традиционно толкает кочевников на путь бесконечных грабительских войн, не позволяет кочевникам в их развитии подняться выше зачаточной стадии феодального уклада и т. д. Второе направление объединяет исследователей (к ним примыкает и автор статьи), которые, признавая, конечно, определенные производственные и бытовые отличия кочевнического уклада, объясняют историю кочевников действием общих закономерностей, лежащих в основе развития всего человечества, достигшего примерно одного исторического уровня производственно-экономических возможностей. В частности, они считают, что, несмотря на очевидную замедленность темпов социально-экономического развития кочевых обществ, в последних, как и в земледельческих, происходит разложение общинно-родового строя, сменяющегося сословно-классовыми отношениями, развивающимися по линии феодализма. Разница последующего развития состоит в том, что переход в стадию развитого феодализма и становления капиталистического уклада требует отказа от чисто кочевых форм хозяйства и быта¹.

¹ См. И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства. М. 1964, стр. 465—466; его же. Предисловие к кн. А. Рона-Таш «По следам кочевников». М. 1964, стр. 10—11.

В стремлении выявить своеобразие развития феодальных отношений у кочевников советские авторы разработали понятие «патриархально-феодальные отношения», которое, впрочем, не получило четкого и согласованного толкования. Так, в изложении Л. П. Потапова основой патриархально-феодальных отношений у кочевников «вообще», как и у оседлых народов, была «только земельная собственность». По С. Е. Толыбекову, особенный, кочевнический образ жизни создал «широкую общинную форму землевладения и землепользования при частной собственности на скот. Патриархально-феодальное общество представляет собой начальную стадию феодализма», в котором был еще жив патриархально-родовой быт. С этими взглядами не согласны многие другие ученые. Критикуя изложенные воззрения, А. И. Першиц, например, подчеркивал, что патриархально-феодальные отношения у скотоводов вовсе не были стандартными: «Им свойственны многочисленные градации — например, от едва наметившейся патриархально-феодальной эксплуатации у зулусов-матабеле (в Южной Африке.— Л. Л.) до «кочевого феодализма» монголов»². Воздавая должное попытке А. И. Першица наметить конкретные разновидности таких отношений, нельзя отделаться от мысли, что в понятие «патриархально-феодальные» он вкладывает слишком уж многообразное и растяжимое содержание.

Общее положение с определением патриархально-феодальных отношений не спасает и такая формулировка Н. А. Кислякова: «Как правило, под патриархально-феодальными отношениями принято понимать собственно феодальные отношения как господствующие, ведущие, но осложненные более или менее стойкими пережитками отношений патриархальных»³. Если это так, то есть если в данном обществе господствуют феодальные отношения, то такое общество и будет феодальным без всяких оговорок, ибо все остальные социально-экономические уклады или элементы укладов (патриархального, рабовладельческого), обычно присутствующие в любом раннефеодальном обществе, очевидно, будут подчинены ведущему феодальному укладу⁴. Если же данный уклад только зарождается, но неуклонно пролагает себе путь в недрах патриархального строя и имеет тенденцию одержать над ним победу, то данное общество скорее будет «прафеодальное», нежели патриархальное или «патриархально-феодальное». Видимо, от определения «патриархально-феодальные» (или даже «полуродовые-полуфеодальные отношения»?)! следует отказаться как от термина громоздкого и неудачного, затемняющего истинное социально-экономическое содержание, которое стоит за ним в исторической действительности.

Применительно к строю кочевников, вышедших уже из первобытно-общинного состояния и вступивших на путь классового образования, мы предлагаем термин «прафеодальный» и «феодальный» в зависимости от степени развития феодальных отношений. Однако в ходе обсуждения проблемы социального строя кочевников имеют место высказывания относительно того, что специфический образ жизни кочевых скотоводов по-

² Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 75 и др.; С. Е. Толыбеков. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 76; А. И. Першиц. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов. «Вопросы истории», 1955, № 11, стр. 75.

³ Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения в Бухарском ханстве. Сборник «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.-Л. 1959, стр. 90.

⁴ Напомним, что в «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркс специально останавливается на вопросе о том, какой характер могут принять экономические отношения «такого общества, в котором определенный способ производства является преобладающим, хотя еще не все производственные отношения данного общества подчинены этому способу производства. Так, в феодальном обществе приобрели феодальный облик даже и такие отношения, которые весьма далеки от существа феодализма» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26, ч. 1, стр. 417).

служил основой возникновения в эпоху раннего металла и длительного, до XIX в., существования особого «кочевнического способа производства» (адекватного специфической формации), важнейшим экономическим признаком которого была общинная собственность на пастбища при частной собственности на скот. Законен вопрос: каким же образом на базе простейших вещественных элементов производства — земли (пастбищ), скота, предметов материальной культуры кочевников и их труда — развивается особенный, отличный от всех известных, способ производства? Таковой, существуй он в действительности, должен был бы представлять собой не просто специфическую разновидность хозяйственной деятельности (способа труда)⁵, а вполне определенную историческую структуру общественного процесса производства. К. Маркс показал, что «обмен веществ между человеком и природой», являясь первопричиной, основой жизнедеятельности общества, в свою очередь, протекает так или иначе в зависимости от социальной формы производства, то есть сам должен быть объяснен развитием общества.

Историки-марксисты давно установили, что социально-экономическое развитие и общественная структура того или иного народа определяются не непосредственно разновидностью свойственного ему хозяйства (земледельческого, скотоводческого, оседлого, кочевого и т. д.), а всею совокупностью существующих в данном обществе конкретно-исторических, структурно-значимых (доминантных) производственных и иных общественных отношений. Различия и особенности конкретных способов производства коренятся не только в разнородных проявлениях производственно-технической и бытовой обстановки (в частности, обусловленных воздействием специфической естественной среды или какими-либо устойчивыми традициями), но и в общих экономических условиях их существования, выражающих качественно различные этапы развития общества. При любых попытках обосновать существование «ранее не замеченного» способа производства необходимо руководствоваться классическим марксовым определением общественного процесса производства вообще: «Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым, и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, то есть определенной общественно-экономической формы последних. Ибо совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу и при которых они производят,— эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры»⁶.

В свете руководящих идей исторического материализма теоретические посылы концепции «кочевнического способа производства» выглядят односторонними, вычленившими преимущественно то, «что и как» (технически) производится, и оставляющими в стороне важнейший вопрос о том, при каких общественно-экономических отношениях осуществляется производство у кочевников. Ко всему прочему сейчас нельзя уже оперировать былыми представлениями о кочевничестве вообще, возникшими на почве механического приведения к общему знаменателю разрозненных фактов из истории скифов, хуннов, древних тюрков, монголов, казахов XVII—XIX вв. и других этнических групп совершенно различ-

⁵ По Марксу, «земля—с одной стороны, труд—с другой, два элемента реального процесса труда, которые в этой вещественной форме являются общими для всех способов производства, являются вещественными элементами всякого процесса производства и не имеют никакого отношения к его общественной форме» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 382).

⁶ Там же, стр. 385.

ных эпох и неодинаковых исторических судеб. Сложная проблема исторического движения кочевников от общинно-родового строя к классовому (по нашему мнению, типично феодальному) обществу требует длительных усилий многих специалистов. Но и сейчас в этой области возможны достаточно обоснованные гипотезы, имеющие целью по-новому осмыслить этапы социально-экономического развития кочевников степной полосы Евразии от племен с общинно-родовым устройством к обществам с феодальной структурой. Одна из гипотез такого рода и предлагается в нижеизложенном изложении.

В качестве исходного момента данного исследования избран тот период в истории степного населения нашей страны, когда общинно-родовые связи определенно не были еще разрушены в важнейшей области хозяйственной деятельности и производственных отношений, когда еще сохранялся «совместный» характер первобытной общины как совокупного организма связанных между собой рабочих сил⁷. В этот период отношения частной собственности не могли еще овладеть сферой экономического распределения вещественных элементов (орудий и средств) и продуктов производства. Характерной чертой обозреваемого периода было такое состояние общества, когда над семейной и родовой общиной — социальными организациями со сходной структурой — не возвышалась никакая правящая эксплуататорская надстройка, претендующая на какую-то часть ею самой не произведенного общественного богатства.

К этому этапу истории степного населения мы относим многочисленные памятники позднебронзовых культур «срубно-андроновского круга» (примерно от середины II тысячелетия до начала I тысячелетия до н. э.), типологически друг другу очень близкие, несмотря на их широкое распространение и в Северо-Восточном Причерноморье, и в Нижнем Поволжье, Казахстане, Средней Азии и Южной Сибири. Поэтому назовем данный этап условно «срубно-андроновским». Для нашей темы он интересен во многих отношениях: во-первых, как непосредственно предшествующий «скифскому» этапу с его сложной организацией кочевников, вступивших в стадию разложения родового строя и смены его обществом классовым; во-вторых, будучи «бесписьменным», срубно-андроновский этап неплохо освещен археологическими материалами; в-третьих, на том этапе в хозяйственной жизни степняков совершались важные перемены: значительное развитие получило пастушеское скотоводство, повсеместно сочетавшееся с мотыжным земледелием при оседлом образе жизни в полужемлянках на высоких берегах местных рек. Заметный рост производства средств существования вызвал соответствующий рост народонаселения. Это видно хотя бы на примере того, что в местах, где производились тщательные археологические раскопки, в частности в бассейне Большого и Малого Иргиза (в Заволжье), населением срубной культуры были сплошь заняты берега всех больших и малых рек, тогда как поселения предшествующей, полтавкинской культуры здесь встречаются редко. У нас нет прямых свидетельств о характере социального строя скотоводов и земледельцев второй половины II тысячелетия до н. э., тем не менее достаточно выразительный материал срубных захоронений (за немногим исключением, с небогатым и однообразным инвентарем) отнюдь не говорит о том, что оставившее эти могильники древнее общество делилось на резко противоположные имущественные и социальные группы. Отдельные выдающиеся захоронения под большими курганами могли принадлежать родовым старейшинам, которым воздавались прижизненные и посмертные почести, но не более этого. Зародившееся уже тогда патриархальное рабство (знатного покойника иногда сопровождали явно насильственные погребения мужчины и женщи-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 391—392.

ны) не колебало традиционного социального устройства патриархально-родового общества степняков⁸.

Такой вывод подкрепляется внимательным изучением форм поселения носителей срубной и андроновской культур. В степных районах Заволжья ютившиеся на надпойменных террасах эти поселения обычно состояли из нескольких полужемлянок, в которых могло разместиться не более 50—70 человек. Поселки располагались поблизости друг от друга и не имели никаких оборонительных сооружений, что указывает на относительно мирный образ жизни их обитателей. Небольшая величина поселков была, по-видимому, продиктована экстенсивным характером скотоводческо-земледельческого хозяйства, в условиях которого на одном месте не могла прокормиться численно быстро растущая группа сородичей. Вероятно, по мере увеличения населения в отдельной родовой общине периодически наступали такие моменты, когда от нее отпочковывалась очередная большесемейная ячейка, которая поселялась где-нибудь неподалеку, тем самым закладывая основу новой родовой общины. Некоторые намеки на внутреннюю структуру тогдашних патриархально-родовых общин содержат материалы позднеандроновского Алексеевского поселения на р. Тоболе, выше г. Кустаная. Оно состояло из восьми кучно расположенных полужемлянок различной величины (самая большая из них до 250 кв. м), группировавшихся в два самостоятельных хозяйственных комплекса (один из них по возрасту застройки, кажется, был старше другого), причем каждый имел собственный загон для скота⁹. Заманчиво видеть в такой планировке отражение закономерной эволюции родового объединения, первоначально осевшего единым хозяйством, а затем, по мере возрастания численности его членов, разделившегося на два большесемейных коллектива с обособленным имуществом, производством и потреблением, хотя в целом они, очевидно, составляли совокупный социальный организм кровных родственников.

И все-таки приведенные археологические данные можно по-настоящему осмыслить лишь с помощью живых свидетельств сравнительно-исторической этнографии. Только подобные историко-типологические параллели следует искать не в обществах кочевников позднего средневековья, для которых были характерны большие родственные объединения, называемые тюрками «омак», «умак», «обак», «оба»: в социально-экономическом отношении эти поздние объединения и родовая община срубно-андроновской эпохи — величины и структуры совершенно различного порядка. Искомые параллели мы обнаруживаем в кругу народов банту Южной Африки — зулу, овагереро и других, у которых в минувшем столетии пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие занимали примерно равное положение, существовало и металлургическое производство. Основной формой поселения был укрепленный крааль, состоящий из центрального загона для скота и нескольких хижин вокруг него, заселенных членами одной большесемейно-родовой группы. В этом коллективе существовало четкое разграничение труда между полами, возглавлял его всеми уважаемый «патриарх» — полновластный распорядитель хозяйства и быта. Основное имущество общины считалось неприкосновенной коллективной собственностью, но отдельные члены — обычно женатые сыновья или братья патриарха — получали в личное пользование некоторое количество скота для прокормления своих жен и детей

⁸ И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. Сборник «Советская археология». Вып. X. М.-Л. 1948; его же. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. Сборник «Советская археология». Вып. XI. М.-Л. 1949.

⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. Сборник «Материалы и исследования по археологии СССР» № 46. М. 1955, стр. 77; е е же. Алексеевское поселение и могильник. «Труды» Государственного исторического музея. Вып. XVII. М. 1947.

при условии, если они оставались в отчем краале¹⁰. Коренной крааль, однако, не оставался неизменным. Время от времени от него отпочковывалась семья старшего сына, создавая поблизости собственный крааль (по-зулусски «умузи» — буквально «дом» с землей, скотом, имуществом и людьми), во всем копирующий отчий дом. Группа родственных краалей составляла «изизве» — клан, размещенный на определенной территории, строго соблюдавший счет родства от общего корня и связаный родовой взаимопомощью. Так, у овагереро по обычаю каждый глава крааля размещал часть своего скота у родичей из другого крааля, чтобы не потерять всего своего состояния в случае какого-либо бедствия¹¹.

Иными словами, общество скотоводов и земледельцев банту XIX в. в социальном отношении прочно удерживало родовую структуру (крааль в миниатюре дублировал клан), но в имущественном отношении, особенно в обладании скотом, давно уже утвердился порядок раздельной собственности большесемейных общин. Такую собственность нельзя назвать частной, если исходить из марксова определения, что «частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам»¹². Банту-зулу придерживались имущественных отношений и прав наследования внутри крааля и социально-экономических отношений в пределах рода и племени, имевших целью не допустить как дробление коллективной собственности семейной общины, так и узурпацию состояния и свободы рядового крааля со стороны какого-нибудь предприимчивого вождя рода или племени. Но и на этом фоне мало-помалу нарастали явления имущественного неравенства между отдельными краалями, из которых некоторые становились «аристократическими», выдвигавшими из своей среды вождей, имевших тенденцию стать наследниками общественно признаваемой власти над значительным числом родственных объединений¹³.

Африканский материал составляет параллель жизненному укладу носителей срубно-андроновских культур. Вместе с тем более высокий уровень развития скотоводства в наших степях, особенно проявившийся в конце эпохи бронзы, вызвал существенную перестройку производственно-технической системы хозяйства (начало развиваться кочевничество) и характера экономических отношений в обществе степняков. Выделение скотоводов-кочевников в специализированные производственные группы, численный рост стад, становившихся важным видом богатства, развитие обменных отношений между кочевниками и оседло-земледельческими группами, сосредоточившими в своих руках производство растительной пищи и важнейших ремесленных изделий, — все это приводило в движение силы, исподволь разрушавшие традиционный экономический уклад. В условиях кочевого быта индивидуализацию кочевого хозяйства и тягу к имущественной самостоятельности малой семьи усиливало то, что для воспроизводства стада, обеспечивавшего нужды такой семейной ячейки, не требовалось большой кооперации рабочих сил. Отдельный кочевник не мог претендовать на пастбище и водопой как суверенный собственник, но движимое имущество — скот — легко могло быть отчуждено фактическим владельцем. Выгода личного распоряжения скотом стано-

¹⁰ А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев. М. 1953, стр. 21 — 22, 282.

¹¹ Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства. Т. I. М.-Л. 1929, стр. 439.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 770—771. Трактую проблему перехода скота из собственности рода в собственность семьи, Ф. Энгельс в 1891 г. употребил фразу: «когда же стада стали переходить в обособленную собственность», заменив здесь словом «обособленная» прежнее выражение 1884 г. — «частная собственность» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 160).

¹³ См. А. Т. Брайант. Указ. соч., гл. XI, XII.

вилась слишком очевидной, чтобы в большесемейных общинах не развернулась борьба за полный раздел совокупного хозяйства общины между малыми семьями. Впрочем, и при изменившихся отношениях производства и обмена это имело смысл лишь в случае, если каждая из малых семей могла самостоятельно обеспечить свое существование. Там, где большесемейные общины накапливали большое количество скота, закономерно происходило полное имущественное разделение на дочерние семьи со всеми вытекающими отсюда экономическими последствиями. Собственность таких семей в полной мере становилась частной¹⁴.

Появление частной собственности разлагало старые формы организации производства и распределения материальных ценностей в обществе кочевников. Здесь необходимо напомнить известное положение Маркса: «Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на месте старого, — это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства»¹⁵. Тот способ производства, которым было обусловлено общественное бытие ранних кочевников, порождал противоречивые тенденции. С одной стороны, сами материальные условия экстенсивного хозяйства (реальные возможности прокормить на одном урочище с водопоем только ограниченное количество скота) принуждали род дробиться на мелкие кочевнические группы, широко разбредавшиеся со своими стадами в установленных пределах родо-племенной территории. Уже это создавало фактическое неравенство в использовании родовых угодий между бедными и состоятельными скотоводами, усиливало стремление состоятельных хозяев отмежеваться от остальной массы сородичей и занять лучшие пастбища. С другой стороны, в целях самозащиты от внешней опасности скотоводы степей соединялись в группы ближайших родичей и тем самым поддерживали довольно прочные родовые связи, но это были уже неравноправные связи богатых и бедных. Частые бескормицы, эпизоотии, разбойничьи набеги соседей приводили к массовым утратам поголовья скота, от чего в первую очередь страдали малообеспеченные семьи и слабые роды, и помощь сородичей скотом была единственной возможностью как-то восстановить отдельное хозяйство. Но это же по мере превращения частной собственности на скот в основу социального положения владельца служило удобной формой замаскированной эксплуатации бедного сородича богатым.

Хозяйство кочевников длительное время вращалось в замкнутом круге мелкого натурального производства, не знавшего ни сколько-нибудь широкого разделения труда, ни налаженных производственных связей, выходящих за пределы этого круга, что, однако, не избавило кочевническое родовое общество от разрушительных внутренних и внешних сил. Процесс распада классического родового строя кочевников можно проследить в некоторых его существенных чертах на примере скифов Северного Причерноморья. Могущественные скифы-кочевники, около начала VII в. до н. э. распространившиеся в Причерноморье из Азии, заняли ведущее положение в историческом процессе Восточной Европы, покорили многие тамошние племена и, усилившись за их счет, создали достаточную базу для экономических связей и значительных перемен в социальной и политической структуре собственного общества¹⁶.

¹⁴ Самое существенное в любой общине, порывающей с коллективным производством и потреблением, «это — парцеллярный труд как источник частного присвоения. Он дает почву для накопления движимого имущества, например скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных... Вот элемент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 419).

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. I, стр. 364.

¹⁶ См. А. П. Смирнов. Скифы. М. 1966.

Но пока что историки не дали бесспорной характеристики общественного строя европейских скифов. По мнению Б. Н. Гракова, в VI—V вв. до н. э. они еще сохраняли родовой строй, в недрах которого вызревали раннеклассовые отношения, что привело в конце V в. до н. э. к возникновению «первичного государства» со значительными элементами рабовладения и эксплуатацией обедневших общинников. Еще решительнее недавно высказался А. И. Тереножкин: «...У скифов VI—III вв. до н. э. было... классовое, рабовладельческое общество. Никаких значительных изменений в общественном строе скифов в ранний (VI—V вв.) и поздний (IV—III вв.) периоды их истории не обнаруживается», — а если они и были, то носили характер процессов, происходящих внутри сложившегося рабовладельческого общества¹⁷.

Внимательное ознакомление с историческими источниками о собственно скифах, равно как и более широкие историко-типологические сопоставления показывают, что при использовании в Скифии известного числа рабов из военнопленных в качестве рабочей силы в хозяйствах аристократии рабы отнюдь не были решающей силой в скотоводческом и подсобном домашнем хозяйстве. Главной производительной силой у скифов, равно как и у других, даже более поздних кочевников, был широкий слой свободных общинников, занятых индивидуальным производством. Можно говорить о существовании среди скифов очень богатых скотовладельцев, обычно вождей и знатных дружинников, но нет оснований утверждать, что их противоположностью был многочисленный контингент полностью пауперизированных соплеменников. Для скифской общественной структуры не было характерно коллективное распределение продуктов и полное социальное равенство, но это было общество свободных в массе своей людей, совершавших сложную эволюцию от общинно-родового к раннеклассовому строю. Военно-политический аппарат у скифов внешне сохранял родовую структуру: для простых людей союз сородичей, территориально и по принципу коллективного землепользования всегда собранных воедино, был привычной и эффективной формой самозащиты (в том числе и перед лицом откровенных узурпаторов общественной власти и состояния). В то же время как военный союз достаточно сильный род был удобной базой для возвышения старейшин и вождей.

В обществе, основанном на военно-демократических началах (а у скифов такой порядок общепризнан), одного лишь богатства или грубой силы было недостаточно, чтобы претендовать на всеми признанное и поддержанное руководство общественными и военными делами. Для этого следовало обладать большими личными достоинствами и заслугами¹⁸. Похороны «царя», как признанного обществом главы всех скифов, отличались от похорон менее знатных и даже рядовых общинников только большей пышностью ритуала¹⁹. Во многих случаях единоличная власть у скифов была ограничена собранием войска, обладавшим правом не только осуждать поведение отдельных вождей, но и сместить или даже убить «царя», например, за нарушение обычаев племенной религии. Вместе с тем у скифов прослеживается развитие военно-иерархической и военно-деспотической системы, истоком которой послужила и наличная военная сила и фактическое общественное неравенство как между отдельными большесемейными, так и между родовыми и племенными объединениями. От разрозненных племенных групп ски-

¹⁷ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. Сборник «Материалы и исследования по археологии СССР» № 36. М. 1954, стр. 23; А. И. Тереножкин. Об общественном строе скифов. «Советская археология», 1966, № 2, стр. 44—45.

¹⁸ Превосходные данные на сей счет, как известно, содержатся у Юлия Цезаря («Записки Юлия Цезаря». М. 1962, стр. 92—105) и в «Германии» Тацита (сборник «Древние германцы». М. 1937, стр. 59—69).

¹⁹ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 18.

фов, вторгавшихся в Ассирию в VII в. до н. э., когда мы вправе предполагать наличие лишь случайных и временных объединений этих военных отрядов, их преемники в VI—V вв. до н. э. пришли к крупному племенному союзу, подчинявшемуся одному племени со «старшим царем» во главе, но сохранявшему племенные «номы» с их вождями и народными военными собраниями.

Внутри скифского союза отношения между сочленами зиждились на принципе «старшинства» — военной иерархии. Два племени рангом ниже обязаны были по зову верховного главы из племени царских скифов приходить ему на помощь всеми средствами: и воинами-слугами, и слугами-рабами, и продовольствием, а также принимать на своей территории царские кочевки, приносить богатые дары умершему властелину и участвовать в насыпке его курганной усыпальницы. Иные отношения складывались с соседями, не вошедшими в «тройственный союз». Они были покорены, может быть, даже частично переселены в Крым, платили постоянную дань, попытка уклониться от которой вызывала со стороны скифов карательную войну²⁰. Такой порядок можно назвать военно-деспотическим и эксплуататорским, если учесть, что дань с подвластных племен, вероятно, поступала в основной своей части в царскую казну и служила немаловажным источником обогащения скифских правителей. В хозяйствах царей и их непосредственного окружения, в хозяйствах менее родовитой знати трудились рабы, различные обязанности исполняли также слуги-работники из скифской народной среды. Но и в IV—III вв. до н. э. социальной основой скифского политического образования был широкий слой свободных скотоводов и земледельцев, вероятно, обязанных сильной верховной властью к несению военной службы и исполнению различных повинностей скорее всего продовольствием и скотом. Можно полагать, что ни верховная власть, ни родоплеменная аристократия открыто не покушались на хозяйственную самостоятельность мелких производителей и на их общинное самоуправление, но обедневшие скифы, очевидно, попадали в кабальную зависимость к собственной знати или добровольно пополняли ряды войск и работников царского домена.

Пределы культурно удивительно единого «скифского мира» занимали не только Северное Причерноморье, но и простирались далеко на восток, включая в свой состав огромный массив степных племен вплоть до Алтая. Однако нельзя на все это население переносить данные, характеризующие социальную структуру европейской скифов. Среднеазиатская ветвь скифов — саки на протяжении многих веков составляли «варварскую периферию» все более усиливающегося раннеклассового Хорезмского государства. По мнению С. П. Толстова, в течение всего античного периода саки сохраняли патриархально-родовой строй, в недрах которого по мере усиления связей между степью и земледельческим оазисом постепенно вызревали отношения имущественного и социального неравенства²¹. Потомки андроновского населения Казахстана и Южной Сибири и в скифо-сарматскую эпоху оставались «варварами». Яркая скифская культура Алтая (типа погребений Пазырыка V—VI вв. до н. э.) принадлежала оседлым и полуоседлым скотоводам, которые по уровню общественного развития стояли намного ниже европейских скифов и, видимо, среднеазиатских саков. Ничего подобного грандиозным и богатым усыпальницам скифских царей на Алтае нет даже в единичных больших курганах — погребениях знатных людей (старейшин и вождей); здесь преобладали массовые рядовые захоронения с одним-

²⁰ Там же, стр. 17—19.

²¹ С. П. Толстов. Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным. Сборник «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», стр. 147—149.

двумя конями и немногими предметами²². Следовательно, реальная картина развития различных групп племен «скифского мира» III в. до н. э. охватывает стадии от только что выходящих из «варварского» состояния южносибирских полукочевников и кочевников к более зрелому обществу степняков периферии Хорезма и уже от них — к скифам Причерноморья, создавшим зачатки раннеклассового общества и государственности.

Далее на восток скифы имели соприкосновение с другим обширным этническим миром — степным тюрко-монгольским. Общее направление социально-экономического развития здесь шло примерно в том же русле, что и в скифском мире, хотя и с известным замедлением, как в силу того, что узел этногонического и социально-экономического процесса кочевых тюрко-монголов завязался в самом сердце Центральной Азии, на глухой окраине великих цивилизаций древности, так и потому, что степному населению пришлось выдержать тяжелую многовековую борьбу с Китайской империей. В степях Монголии во второй половине I тысячелетия до н. э. кочевали многочисленные племена, переживавшие последнюю стадию общинно-родового строя. Китайская хроника «Хоуханьшу» на примере ухуаньцев позволяет проследить, как в их обществе нарастали социальные противоречия, усиливалась власть племенных вождей. Таковым был «князь» Датунь: «Он занимал три области, в которых жители все повиновались его определениям», а также вел борьбу с другими ухуаньскими «князьями» — вождями племенных объединений за верховную власть²³. Источники показывают, что в начале н. э. ухуаньцы и их соседи сяньбийцы находились в состоянии распада общинно-родового строя с его военной демократией в качестве политической надстройки, но социальный облик нарождающегося нового общества был еще неопределенным, классовые противоречия — четко не оформившимися, а политические образования под главенством «князей» — военных вождей были эфемерными и неустойчивыми.

Значительно дальше в отношении классовобразования продвинулись хунны, по крайней мере с конца III в. до н. э. составлявшие одну «степную державу» во главе с великим верховным правителем — шаньюем Модэ, под властью которого находились 24 «старейшины» с их племенами, причем «каждый из 24 старейшин для исправления дел поставляет у себя тысячников, сотников и десятников»²⁴. Организация хуннской державы была, таким образом, довольно сложной и, естественно, не вдруг возникшей. В возвышении царственной власти Модэ большую роль сыграли завоевательные войны и обращение слабых соседей в данников, в чем он пользовался широкой поддержкой родоплеменной знати хуннов, понимавшей выгоду единого аристократического союза, в котором каждому из вождей были обеспечены соответствующее его рангу участие в политическом управлении и определенная доля в военной добыче. В варварской державе хуннов государственная власть и господствующий слой фактически сливались воедино; государство было не только правящим органом аристократии, но и военно-политической формой ее организации²⁵. Здесь мы видим тот путь, каким обычно следовала к власти народившаяся в условиях военной демократии влиятельная «старшина». Однако в обществе ранних кочевников, в котором сильной была родственная солидарность, подкрепленная обычаем неделимости родовых угодий, насильственный путь закабаления соплемен-

²² С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л. 1953, стр. 270—271; его же. Культура населения центрального Алтая в скифское время. М.-Л. 1960, стр. 237.

²³ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М.-Л. 1950, стр. 142 и сл.

²⁴ Там же, стр. 49.

²⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. Сборник «Материалы и исследования по археологии СССР» № 9. М.-Л. 1949, стр. 282.

ников был чреват опасностью их возмущения, вплоть до физического истребления неугодной знати.

В своеобразных условиях перехода к классовому обществу, когда родовая и племенная знать была еще недостаточно сильной для экспроприации родовых соплеменников, в интересах самой знати было поддерживать традиционную структуру кочевой общины, выступая в качестве ее защитников от внешней опасности, охранителей и распорядителей внутренней жизни рода и племени, пользующихся в силу этого добровольными подношениями, натуральными услугами и судебными пенями. Этого, конечно, для обогащения хуннской знати было мало, но до поры до времени ей приходилось искать дополнительные источники наживы вне породившей ее общины — в грабительских войнах. Такие войны, как и потребности собственной обороны, использовались хуннскими шаньюями в качестве своего рода «общественной связи» сколоченного ими варварского государства, хотя это была и непрочная связь, ибо она постоянно подрывалась и внешними силами и внутренним сепаратизмом. И поскольку в общехуннском союзе соединялись племенные величины, не одинаковые по родовитости, состоятельности и воинской силе, в отношениях между ними неизбежно устанавливалась иерархия «старшинства и достоинства», несмотря на равные как будто бы владетельные права на землю. С упреждением верховной власти шаньюя эта племенная иерархия приобрела более организованный характер, прямо отвечающий династийным интересам. Примечательно, что из 24 управляемых вельможными «старейшинами» племенных единиц только 14 возглавлялись нечленами царствующей фамилии, — видимо, наследственными племенными вождями, тогда как первые 10 кочевых улусов находились под властью ближайших родичей шаньюя и, возможно, представляли собой не их исконные родовые владения, а полученные от шаньюя уделы. Впрочем, не так уж всеильна была власть шаньюя, ибо при решении важнейших политических вопросов он вынужден был считаться с высшим совещательным органом всех племенных старейшин²⁶.

Отмеченное явление (зачатки своего рода удельно-улусной системы) послужило венгерскому ученому Ю. Харматта поводом для рассмотрения общества хуннов в качестве переходного от родового к раннеклассовому с первыми признаками зарождающегося феодализма²⁷. С таким выводом мы не можем согласиться. Рядовая масса хуннов, свободная в личных занятиях, была обязана шаньюю разве что несением время от времени военной службы в ополчении под командованием своих родовых и племенных вождей. Лишь единожды хроника «Шицзи» упоминает о том, что находившийся при ставке шаньюя Лаошаня китайский советник «научил шаньюевых приближенных завести книги, чтобы по числу обложить податью народ, скот и имущество»²⁸, но была ли такая система действительно введена в кочевом обществе хуннов, а если да, то в какой степени подать привязывала общинников к государственной казне, — этого мы, к сожалению, не знаем. Ясно пока одно: обширное, но внутренне слабое и исторически недолговечное военно-политическое объединение хуннов под властью наиболее удачливых шаньюев было своеобразным опытом создания наиболее ранней государственности древних тюрков на основе военно-демократической, переросшей в военно-иерархическую, системы. Трудность оценки характера общества хуннов состоит в том, что оно, на наш взгляд, относилось к категории только что зарождавшихся раннеклассовых систем, которые в период их становления не могли сразу же облечься в форму законченной модели. Такое переходное состояние при нечеткой дифференцированности, много-

²⁶ Там же, стр. 49, 119—120.

²⁷ J. Harmatta. The Dissolution of the Hun Empire. «Acta Archaeologicae» (Budapest), 1952, t. II, fasc. 4.

²⁸ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 58.

значности конфликтующих и переплетающихся между собой социальных начал могло быть очень длительным, особенно в обстановке, когда главная производительная сила — свободная община — прочно удерживала в своих руках основную массу средств производства, а выделившаяся аристократическая верхушка по-настоящему еще не организовалась в особый класс и не сколотила достаточно прочного и эффективного аппарата государственного управления и принуждения. Общество переходного состояния превращается в настоящее раннеклассовое лишь тогда, когда становится устойчивым принудительный порядок присвоения господствующим эксплуататорским сословием прибавочного продукта и труда производителей.

Сейчас никто не оспаривает того, что различные общества кочевников Евразии в конце концов достигли стадии возникновения первой классово-антагонистической формации. Но какой именно? Одни авторы называют эту формацию рабовладельческой, другие — феодальной или патриархально-феодальной и ищут зарождение феодальной монополии кочевой знати на землю чуть ли не во времена шаньюэ Модэ. Третьи же такого монопольного распоряжения землей не находят даже у поздних кочевников и, исходя из этого, утверждают, что нельзя-де считать общину кочевников когда-либо находившейся в настоящей феодальной зависимости. В такой связи и возникла версия об особой «кочевнической формации», при которой эксплуататорский порядок выражался в закабалении бедного скотовода экономическим путем (например, ростовщической раздачей скота), что и создало в конечном счете основы эксплуатации капиталистического типа. Мало того, что подобное рассуждение рисует средневековые общества кочевников в очень туманных чертах, оно игнорирует сущность феодализма как формации, его основу — отношения личной зависимости. «Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни», — писал К. Маркс. «Они (то есть труд и продукты труда зависимых производителей. — Л. Л.) входят в общественный круговорот в качестве натуральных служб и натуральных повинностей»²⁹. Специфические формы, в которых при феодализме прибавочный труд выкачивался из непосредственных производителей, были разными (в чем и состояло своеобразие феодализма в различных странах), но оставалось всеобщим положение: «непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства». Однако «при таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее»³⁰, поскольку непосредственный производитель сохранял собственность на средства производства и для защиты своих интересов объединялся с другими производителями.

Советскими историками достаточно хорошо выяснено многообразие политических, государственных и публично-правовых форм, в которые при феодализме сплошь и рядом облекались экономические отношения людей. Свободные производители — общинники, отвергавшие частную земельную собственность, в бурной военной обстановке перехода к классовому обществу признавали право военных вождей оборонять племенные земли от беспокойных соседей, расширять пределы племенных владений (что было особенно важно для скотоводов), следить за военно-административным порядком и т. д. Известно, что в раннем средневековье утрата личной свободы общинниками неизменно выступала под видом принятия ими «подданства», «покровительства» со стороны «силь-

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 87.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 25, ч. II, стр. 353.

ных людей», располагавших влиянием и политической властью. Такой силой и властью в первую очередь обладало складывающееся раннеклассовое государство, построенное на началах военно-политической иерархии с верховным управителем во главе. Поэтому убедительны позиции тех историков, которые считают первой формой феодальной эксплуатации фискальные и натуральные государственные повинности населения, подчеркивая одновременно, что такая форма эксплуатации могла сохраняться в некоторых странах в течение всего средневековья³¹.

Началом новой формации у кочевников Центральной Азии послужило возложение на народные массы различных повинностей и дани в пользу вполне сформировавшейся государственной власти. Ведущие свое происхождение из глубины военно-демократического строя, даннические отношения в раннеклассовом обществе изменяли только характер и способ присвоения, поэтому их лучше всего назвать «прафеодальными», подчеркнув тем самым, что они лежат у самых истоков феодального способа производства³². Зарождение именно таких отношений мы обнаруживаем в социальной среде алтайских, «орхонских» тюрок, создавших в VI в. обширную державу — Тюркский каганат. Могущество тюркских каганов из аристократического рода Ашина возросло на почве непрерывных завоеваний, грабежа соседних племен и обращения их в насильственное подданство. Но было бы неправильно считать военный грабеж каким-то постоянным «регулятором» отношений между господствующими и покоренными. Для социальной верхушки тюркско-кочевников военный разбой служил только одним из средств (не всегда удачным и возможным) для личного обогащения, а также (путем дележа добычи с рядовыми воинами) средством смягчения противоречий внутри собственного народа. Главной же целью завоеваний «всегда становилось присвоение людей» (по Марксу) как подданных и самостоятельных производителей, на которых (с помощью военной силы) можно было возложить различные дани и повинности. В этом, как мы знаем, проявляется специфическая черта возникающего и развивающегося феодального строя³³.

Установление прафеодального данничества проходило в обстановке ожесточенной борьбы. По словам хроники «Таншу», свободолюбивые хойху (уйгуры) признавали номинальную зависимость от орхонских правителей и даже выступали на их стороне в военных походах. Но когда в начале VII в. орхонский Чуло-хан напал на уйгурские «поколения и обложил их тяжелой податью», а также, «опасаясь негодования с их стороны, собрал несколько сот старейшин их и всех предал смерти», эти подданные восстали и отложились от вероломного хана³⁴. Подобными событиями полна последующая история Тюркского каганата, отраженная в памятниках орхонской рунической письменности VII—VIII вв., исследуя которые С. В. Киселев писал о социальной структуре каганата: «Эль в широком смысле — это организация степной аристократии, возглавляемая каганом... Отсюда в будущем разовьется эль — государство»³⁵. Орхонские надписи свидетельствуют, что сменяющие

³¹ Н. Ф. Колесницкий. О некоторых типических и специфических чертах раннеклассовых обществ. «Вопросы истории», 1966, № 7, стр. 89.

³² Именно в таком смысле можно толковать то место в «Капитале», где сказано: «При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй) присваивает, а следовательно и продает продукты, рабовладелец, феодал, взимающее дань государство» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. I, стр. 358).

³³ «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определяется не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 729).

³⁴ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 301.

³⁵ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 282, 335.

друг друга каганы конца VII и первой половины VIII в. не могли не считаться с простым народом («кара будун» — чернь), еще живо хранящим традиции военной демократии, а поэтому стремились привлечь его на свою сторону. На памятниках — стелах торжественные эпитафии воспевали каганов, под властью которых благоденствует-де рядовая масса; но вместе с тем постоянно подчеркивалось, что власть кагана ниспосылается неразумному, мятежному народу небом и что судьба только тогда милостива к народу, когда над ним стоит энергичный правитель. Памятник в честь советника Тоньюкука гласит: «Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать или если бы его не было, и если бы я сам, мудрый Тоньюкук, не старался приобретать или если бы не существовал, в земле Капагана-кагана и народа тюрков-сиров не было бы никакой государственной организации, ни народа, ни людей, ни правителя»³⁶. Любопытно, что в тюркском подлиннике государственная организация каганата носила образное название «бод» — тело, организм.

Как же формировался такой социальный организм? Используя свою силу, родственные связи, подкупы и посулы, каганы превращали «тюрк будун» в покорное войско, которое можно было направлять на завоевание соседних народов и на подавление их недовольства. Высший слой каганата составляли сам правитель, «ябгу» и «шад» — первые после хана лица из ближайших родственников, затем младшие родственники, а за ними «беги» — племенные предводители, далее числились «стоящие слева начальники: тархана и приказные, тридцать огланов» — своего рода патрициат. К категории «кучлуг», то есть сильных и знатных, относились и «эльтебэры» — правители подчиненных племен, достоинство которых считалось ниже достоинства орхонской знати. Как бы верхушка каганата ни заигрывала с рядовым войском — практически всем вооруженным тюркским народом, он для нее оставался «кара будун» — чернью, уделом которой провозглашалось полное подчинение воле кагана и бегов. К чему приводило неповиновение, красноречиво свидетельствует большая надпись в честь Моюн-Чура, в которой повествуется о жестоком наказании отложившихся племен: каган «сразился с ними и победил. Их табуны, их скот, их девиц и женщин привез к себе». Характерно «милостивое слово» кагана, обращенное к побежденному народу: «Снова служи мне и работай!»³⁷. В нем заключается вся суть политической системы каганата — военно-государственной организации, эксплуататорского союза кочевой знати, возглавляемого каганом и его приближенными из одного аристократического рода.

Таким образом, основной формой установления господства каганата над кочевым (и оседлым) населением было обращение его в подданство, влекущее за собой различные повинности и уплату дани. Понимаемое в таком расширительном смысле подданство, носившее одновременно и политический и экономический характер, как раз и выражало состояние личной зависимости простого народа, вырастающее из общественных отношений производства обозреваемого периода. Данное положение необходимо пояснить, так как именно по этому вопросу в ходе дискуссии середины 1950-х годов остро столкнулись мнения сторонников и противников феодальных отношений у ранних кочевников³⁸. К. Маркс подчеркивал, что отношения дани в условиях примитивного классового строя покоятся на неразвитости всех общественных производительных сил труда, на примитивности самого способа³⁹. Вряд ли можно оспари-

³⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л. 1951, стр. 35, 70.

³⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л. 1959, стр. 24, 39—40.

³⁸ См. «О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения)». «Вопросы истории», 1956, № 1.

³⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. I, стр. 358; ч. II, стр. 354—357.

вать, что на таком именно уровне в древнетюркский период и даже много позднее находилось скотоводческое хозяйство степняков. Рутинному способу мелкособственнического натурального производства соответствовали и неразвитые производственные отношения.

В силу описанных выше специфических условий кочевого хозяйства каждая отдельная, самостоятельно производящая, но пользующаяся для выпаса своего скота неделимыми общинными пастбищами семья выступала в качестве мельчайшей клеточки более крупного социального организма — кочевой общины, в свою очередь, входившей в состав более широкого кочевнического объединения — рода, поколения, племени. Эти социальные организмы (иерархии структур) составляли внешне замкнутые миры, сцементированные внутренней связью и управляемые старейшинами с непререкаемой патриархальной властью; миры, в рамках которых производство материальных средств существования и производственных отношений совершалось путем простого, но непрерывного их возобновления. Будучи способными защитить свои интересы в сносах с соседями — такими же производственно-социальными объединениями, эти социальные организмы оказывались беспомощными перед лицом могущественной военно-деспотической власти каганов. Достаточно было такой власти, опирающейся на внушительную военную силу, истребить, покорить или «облагодетельствовать» родоплеменную верхушку, чтобы кочевая община, даже не подвергнувшись разрушению как социальная структура, могла оказаться в полном своем составе в состоянии несвободы, зависимости, хотя при описанных обстоятельствах отношения зависимости могли иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к складывающемуся или уже сложившемуся государству⁴⁰. В свете известного нам материала по истории социальных организмов кочевников еще многограннее раскрывается глубокая мысль Маркса о том, что «эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения»⁴¹.

История создания Тюркского каганата свидетельствует, что первым шагом на пути установления прафеодалных даннических отношений была организация такой военно-политической системы, которая могла обеспечить сравнительно быстрое завоевание обширных земель с одновременным обращением в подданство тамошнего населения. Следующим важным шагом в том же направлении было упрочение сложившегося положения вплоть до превращения политической гегемонии господствующей части населения в обычай, санкционируемый в твердый закон, обязательный для всех. Политическое преобладание, власть над простыми людьми в тех условиях неизбежно влекли за собой и власть над их экономическим бытием, также подвергнувшись государственно-правовой регламентации. Без этого не могло бы упрочиться классовое господство знати; без этого, в частности, не смог бы получить развития феодальный строй. Здесь мы сталкиваемся с проявлением объективной закономерности, состоящей в том, что «эти регулярность и порядок (в экономических отношениях между господствующей и подчиненной частями общества. — Л. Л.) сами суть необходимый момент всякого способа производства, коль скоро он должен приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола»⁴². Взяв на себя роль суверенного (хотя, может быть, и номинального) распорядителя всего

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 354.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 89.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 356.

достояния подвластных территорий, государство утверждало себя в качестве верховного собственника земли, юридически низводя непосредственных производителей до положения наследственных владельцев находящихся в их распоряжении средств производства. В зарождающемся феодальном обществе атрибутами государственного землевладения были юрисдикция, военная и политическая власть; собственность как общественное отношение в значительной мере была именно властью над людьми, а не только вещным правом, то есть правом непосредственного обладания землей, пастбищами, водами и т. д.⁴³ Но эту особенность развивающегося феодализма в обществах кочевников легче проследить на материалах истории более поздних тюрских государств⁴⁴.

Особое внимание историков-медиевистов привлекает формирование империи Чингиз-хана, в которой кочевники, как известно, играли доминирующую роль. Высказанная три десятилетия назад идея Б. Я. Владимирцова о развитии в этом государстве феодальных отношений⁴⁵ не потеряла своего значения и поныне, хотя этот автор и подвергался справедливой критике за преувеличение степени зрелости феодализма в монгольском обществе XI—XIII веков. Правильнее было бы сказать, что процесс сложения государства Чингиз-хана и ближайших его преемников показал настойчивое и последовательное наступление сильной государственной власти на патриархально-родовой уклад, власти, ищущей и находящей себе социальную опору не в традиционных родоплеменных институтах, а вопреки им, создающей себе социальную базу на началах военного вассалитета и классовых интересов вновь нарождающегося феодального эксплуататорского строя, власти, вводящей новые узаконения, которые разрушили отжившую систему прафеодальных даннических отношений, заменив их системой обычного феодального фиска. Главным злом, разъедавшим устой политической системы дочингизовой Монголии, были бесконечные ссоры и войны между племенными владетелями, боровшимися за преобладание на лестнице военной иерархии и за приобретение по возможности большего числа подданных, собранных в родственные объединения — «обохи». Чингиз-хан, проводивший энергичную и жестокую политику объединения соперничающих сторон, был выдвинут кочевой аристократией. Определенные слои монгольской знати и свободных воинов — нукеров, ищущих себе сильного покровителя, скорее были согласны признать наводящего твердые государственные порядки верховного владыку, чем вверять собственные судьбы и судьбы своего имущества превратным обстоятельствам межплеменной грызни. В этом и состояло объективное социально-политическое условие возникновения централизованной власти.

Взяв курс на государственное объединение подвластного населения по территориально-политическому принципу, Чингиз-хан насильственно дробил наиболее сплоченные родоплеменные группировки и расселял их по другим инородным объединениям, а также провел реформу армии, сведя ее в воинские подразделения не по родовому, а по количественному принципу — в тысячи, сотни и десятки, над которыми были назначены соответствующие начальники (нойоны — тысячники, сотни и десятки). Уже на курултае 1206 г. «великий каан» всевластно распоряжался подданными и землями. Возводя соратника по оружию, приемного брата Шиги-Хутуха в сан важнейшего государственного мужа и пожаловав ему большой удел, Чингиз-хан повелел: «Произведи ты мне

⁴³ См. З. В. Удалцова. Задачи изучения генезиса феодализма в странах Западной Европы. «Вопросы истории», 1966, № 9, стр. 67.

⁴⁴ См. А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и ее торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Сборник «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». Ч. I. Л. 1933; В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.-Л. 1941.

⁴⁵ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л. 1934.

такое распределение разноплеменного населения государства: родители нашей, младшим братьям и сыновьям выделит их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (ирген); а затем выделит и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми... Пусть записывают в Синюю роспись «Како Дефтер-Бичик», связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных «гур-ирген», а равным образом и судебные решения... Каждый виновный в изменении таковых подлежит ответственности»⁴⁶. Щедрые феодального типа пожалования за верную службу получили и многие другие приближенные каана. В качестве примера сошлемся на Хорче, получившего в удел управление алтайскими племенами: «Пусть он невозбранно кочует... вплоть до приэрдышских лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою лесных народов. Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться» (то есть следует подавлять их военной силой)⁴⁷. Эти данные (а число их можно умножить) имеют принципиально важное значение в затянувшейся дискуссии по поводу того, сложилось или нет в монгольском государстве Чингиза и Чингизидов монопольное феодальное право распоряжения землей. Такое раннефеодальное право в монгольских степях поддерживалось системой внеэкономического принуждения: военной силой данного темника или тысячника, всюю мощью стоявшего за его спиной централизованного военно-феодального государства.

В монгольскую эпоху произошло такое раздробление, смешение и территориальное перемещение родов, племен и отдельных их частей, что во многих случаях никак нельзя говорить о сохранении исконных родовых кочевий. Права пастбищного землепользования значительных групп населения были так перепутаны, что преемники Чингиз-хана вынесли решение: «В дальнейшем необходимо произвести по всему государству раздел земельно-кочевых и водных угодий. Для этого дела представляется необходимым избрать от каждой тысячи особых нунтуучинов — землестроителей по отводу кочевий»⁴⁸. Такие разделы, вероятно, производились не путем любовной сделки между соседями — кочевыми объединениями, а под эгидой и юрисдикцией то ли государства, то ли удельных владык — темников и тысячников, в лице которых воплощалось право монопольного распоряжения пастбищами. Собственность вообще, а тем более довольно условная феодальная собственность как экономическая категория есть не просто отношение тех или иных лиц к материальным ценностям, а в первую очередь отношение между людьми. «Нет земли без господина», — гласит средневековая западноевропейская норма; в средневековой Монголии это формулировалось нормой: «Как простой народ может жить без владельца?».

Система раннефеодального монгольского государства была оригинальным образованием, сочетавшим военно-административные и социально-экономические принципы организации. Военачальник, послушный воле верховного правителя — каана, относился к нему как вассал к своему сюзерену. По мере включения в состав империи Чингиз-хана западных оседло-земледельческих и степных областей многое в этой системе изменилось и приспособилось к тамошним социальным условиям, но провозглашенные ею порядки прочно укоренились в общественной среде кочевников, которые и в дальнейшем создавали собственные государственно-политические объединения.

⁴⁶ С. А. Козин. Сокровенное сказание. М.-Л. 1941, стр. 159—160.

⁴⁷ Там же, стр. 161.

⁴⁸ Там же, стр. 197.